

ЩЕПОТ НА ГРАНИЦЕ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ДОСТАВКА
УЮТ
РЕСТОРАН

ЗАКАЗ
НЕ ОТМЕНИТЬ

Адрес:

Телефон:

Новое сообщение

Зайди
в ресторан.

Ответить

Закреть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Кениг

Анна Кениг

Шепот на границе

«Автор»

2026

Кениг А. А.

Шепот на границе / А. А. Кениг — «Автор», 2026

Сборник «Шёпот на границе» — это истории на стыке жанров: тёмное фэнтези, эротика, хоррор и социальная драма. Каждый рассказ — отдельный мир со своим голосом, ритмом и интонацией. Но все они об одном: о женщинах, которых загнали в угол. Их предали, использовали, списали со счетов, попытались сжечь, в прямом и переносном смысле. Им отвели роль жертвы. Но что-то пошло не так. Кто-то из них устал умирать. Кто-то вспомнил, что умеет хотеть. Кто-то бросился бежать. А кто-то — остался лежать. Здесь нет случайных героинь. Каждая из них — отражение силы, страха, желания и боли. Каждая попадает в ловушку. И далеко не каждая найдёт выход. Прислушайтесь. Шёпот уже начался. Содержит сцены насилия и откровенные эпизоды. 18+

© Кениг А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ведьма. Старая песня.	5
Садовник. В ритме его лопаты.	7
Курьер. Заказ не отменить.	9
Ресторан на горе Большой Ахун.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анна Кениг

Шепот на границе

Ведьма. Старая песня.

— Сжечь ведьму!

О, эта песня. Старая, как мир. Я слышала её в каждой жизни. В каждом городе. В каждом веке.

Кричали громко, с чувством. Так громко, что у меня закладывало уши. Я стояла привязанная к столбу, верёвки впивались в запястья. Грубые, колючие, явно предназначенные для скота. Вокруг толпа. Злые лица, брызги слюны. Кто-то пришёл с детьми. Воспитывает. Приобщает к традициям. Какая трогательная забота о подрастающем поколении.

Верёвки стягивали запястья, но я почти не чувствовала боли. Я чувствовала скуку. Знаете это чувство, когда спектакль идёт по кругу, а ты единственная, кто помнит все акты наизусть? Я помню.

Я помню Вавилон. Мне тогда ещё не было и ста лет, почти ребёнок. Я только начинала понимать, кто я и на что способна. Там тоже любили огонь. Жрецы Мардука объявили меня демонией. Якобы я спала с царём, хотя я его в глаза не видела, а вот верховный жрец, который орал громче всех, как раз и посещал меня по ночам в храмовых покоех, дрожа от страсти и стыда. Но это, конечно, осталось за скобками. Кому интересна правда, когда есть хороший костёр?

С тех пор прошли тысячи лет. Тысячи лет, а песня всё та же. Меняются декорации, костюмы, языки, имена богов, но не мелодия. Рим. Александрия. Карфаген. Я горела в каждом из них.

И вот снова. Очередной город, очередная площадь.

Ко мне подошёл палач. Он не смотрел мне в глаза. Никто из них не смотрел мне в глаза. Им было страшно. Не за меня за себя. Вдруг ведьма проклянёт напоследок?

Палач ткнул факелом в хворост у моих ног. Сухие ветки занялись мгновенно. Толпа взревела. Пламя поднялось выше. Лизнуло мои щиколотки. Я приготовилась к привычному теплу, к ласке, которая всегда приходила вместо боли.

Огонь не жёг. Он ласкал. Узнавал. Так было всегда. Так будет всегда.

В толпе зашептались. Сначала робко, потом громче. Шёпот перерос в гул, гул в панику.

— Не горит! На ней даже платье целое!

Верёвки истлели за несколько секунд. Я медленно подняла руки. Свободные, невредимые. Потрепала волосы. Обвела взглядом толпу. По очереди. Каждого. Мужчину с красным лицом, который орал громче всех. Женщину с ребёнком на руках, которая кричала «сжечь» и прижимала дитя к груди. Палача, который выронил факел и теперь пятился, выставив перед собой дрожащие руки.

И улыбнулась. Хищно. Так, что несколько человек упали на колени, а кто-то закричал.

А потом я вышла из костра.

Пламя за моей спиной взревело и рухнуло, будто кланяясь. Оно расступилось живым коридором. Я шагала медленно, неумолимо, и каждый мой шаг отдавался в тишине гулом, словно сама земля била в невидимый барабан.

Вы не знали, с кем связались. Правда не знали.

Я остановилась. Оглядела их всех. Сверху вниз.

Человечество никогда не учится на своих ошибках. Никогда. Это единственное, в чём оно действительно постоянно.

Пришло время платить.

Садовник. В ритме его лопаты.

Я уже год удивляюсь, почему эти богатые люди купили дом именно на нашей улице. Наша улица не та, где стоят особняки. Наша улица — это старые дома с облупившейся краской, покосившимися заборами и травой, которую никто не косит, потому что некогда, или лень, или денег нет на нормальную газонокосилку.

Соседи тихие, с дорогими машинами, с идеальным газоном. У них даже трава пахнет деньгами. А у меня трава пахнет тем, что её никто не косил уже месяц. Ну, почти месяц. На самом деле полтора, но кому какая разница.

Но я отвлеклась. Речь не о них. Речь о нём.

Молодой парень. Лет двадцать, не больше. Светлые волосы, выгоревшие на солнце. Загар, который ложится ровно, без полос. Сначала я думала сын. Помогает семье стричь газон, подравнивать кусты. Бегаёт с секатором, как заправский садовник. Весь такой ухоженный, даже когда в рабочей одежде.

А потом я краем уха услышала разговор соседки с подругой.

— А он нам заодно и кусты подровнял. Такой милый мальчик, уже год у нас садовником подрабатывает, после колледжа.

После колледжа. Садовник. Не сын. Сам по себе. И меня что-то кольнуло. Нет, не так. Меня пронзило. Когда я в первый раз увидела его без толстовки. Он работал в майке. Жарко было. Руки не мальчишеские, нет. Взрослые, сильные, с рельефом. Он поднимал ветку, перерубал её одним движением, и мышцы перекачивались под кожей. Я смотрела. Не могла отвести взгляд.

Однажды он заговорил со мной.

Стоял с той стороны забора. В руке секатор. На губах улыбка, от которой у меня внутри всё перевернулось.

— У вас кусты разрослись, — сказал он. — Могу подровнять, если хотите.

И посмотрел на меня так, что я на секунду забыла, как дышать.

«Если хотите» — прозвучало как «я знаю, что вы хотите». И он был прав. Я хотела.

Не только кусты подровнять.

Я хотела, чтобы он вошёл в мой сад. В мой дом. В мою жизнь. Представляла, как его руки, которые сейчас сжимают секатор, сжимают мою талию. Как его пальцы, сильные и твёрдые, скользят по моей коже. Боже мой, Элени, опомнись. Тебе сорок, а не двадцать.

Я не девочка. Не должна краснеть от взгляда мальчика, который годится мне чуть ли не в сыновья. Но краснею. С каждым разом всё сильнее.

Муж ушёл. А у меня за два года никто к коже не прикасался. Никто не смотрел так, как смотрит этот парень. С голодом, которого он даже не прячет. Но у меня нет денег, чтобы оплатить его работу. Кошелёк пуст, как этот дом. Как я сама после ухода Янниса. Пуста, но ещё не мертва. И внутри всё ещё тлеет. Потому что, когда я вижу его руки, я чувствую, что тлеет. Что не всё потеряно. Что я ещё могу хотеть. Мужчину. Прикосновения. Глупо, правда? Но ничего не могу с собой поделать.

Я сижу на своей веранде. Она когда-то была уютной, с плетёными креслами, с горшками, где цвели петунии. Теперь здесь только я, старая кружка с отколотой ручкой и запустение. Кофе во рту горчит. Я пью его чёрным, без сахара, потому что сладкое закончилось ещё на прошлой неделе.

Он на границе участков. Без футболки.

Сначала я просто смотрела. Потом перестала себя контролировать.

Он не видит меня. Не может видеть, я в тени, на старом кресле, где сижу, поджав колени. Я всегда здесь, когда он работает. Это привычка. Или зависимость.

Он садит цветы. На их стороне, почти у забора. Его спина блестит от пота. Позвоночник как линия, по которой я хочу провести языком. Он дышит тяжело. Часто. И пританцовывает под музыку в наушниках.

Моя рука ложится на колено. Потом выше. Сама. Я не даю ей команду. Она знает, что делать. Она помнит, как хотеть. Даже когда мозг кричит: «Остановись, идиотка, он же молодой, он же не для тебя».

Я провожу ладонью по внутренней стороне бедра. Медленно. Он втыкает лопату в землю. Я закусываю губу. Он вынимает цветок из горшка. Мои пальцы находят ткань шорт. Мокрую. Потому что я уже давно мокрая. С того самого момента, как он снял футболку.

Я расстёгиваю пуговицу. Он пританцовывает.

Закрываю глаза и вижу его спину, его лопатки, эту ложбинку, по которой течёт пот. Мои пальцы внутри меня. Двигаются в ритме его лопаты. Он вбивает, я сжимаюсь. Он отрывает землю, я расслабляюсь. Он садит цветок, я стону. Тихо.

Я уже не знаю, где я. На веранде. В своём саду. В своей голове. Внутри себя. Я сжимаюсь сильнее, он поправляет наушник. Всё ближе. Я уже почти там. Ещё чуть-чуть. Лопата в землю. Мои пальцы внутри меня. Цветок в ямку. Пик. Сейчас. Сейчас. Сей

Он исчез.

Открываю глаза, его нет. На границе участков пусто. Лопата брошена. Цветы не посажены, несколько горшков так и остались стоять рядком. Только земля, солнце, и тишина. Ни души.

Чёрт.

Я убираю руку. Быстро. Медленно. Не знаю.

И тут рука на плече. Чужая. Тёплая. Пальцы длинные, твёрдые, пахнут землёй. Я не кричу. Не дышу. Не поворачиваюсь. Потому что знаю, что это он.

Он стоит за моим креслом. Наклонился. Его дыхание тоже частое, касается моего уха.

— Закончила? — спросил он. Голос низкий, спокойный.

Рука скользит с плеча на шею. Пальцы касаются пульса. Он знает, что он бешеный. И, кажется, ему это нравится. Я молчала. Не могла говорить. Потому что, если бы открыла рот, из него вырвался бы не ответ, а стон.

— Твой сад запущен, Элени, — шепчет он.

Курьер. Заказ не отменить.

Дышать нечем. Вернее, чем-то дышать можно, но это не воздух. Это пыль, ворс и чужой запах. Тошнит. Я лежу на боку. Вокруг что-то плотное, шершавое, давит со всех сторон. Чувство движения. Глухая, ритмичная вибрация. Где-то рядом урчит мотор. Я в аду, который начался не сегодня, но сегодня я наконец это поняла. Давление такое, что кажется, ещё чуть-чуть, и рёбра треснут. Или уже треснули? Я не чувствую. Вообще ничего, кроме этой душасей тесноты и собственного страха, который имеет вкус железа и горечи.

Как я тут оказалась?

А давайте по порядку. Чтобы вы не подумали, что я с самого начала была идиоткой. Хотя... наверное, была. Просто тогда я этого не знала.

С самого детства я всегда верила людям. Игрушку мою сломали, случайно. Подруга поцеловала моего парня, неловко вышло. Родители умерли, вселенная просто ошиблась. Детский дом, ну, бывает. А парень, который взял на меня три кредита, обязательно вернёт деньги. Я просто подожду. Уже четыре года жду. Леша исчез в один день. Не попрощался. Просто перестал быть. Квартиру, которую мы снимали, он оплачивал. Кредиты тоже. А потом раз и нет ничего. Ни денег, ни его, ни обещаний, которые он так красиво раздавал по вечерам.

Первый год я пыталась выкрутиться. Работала продавцом в маленьком магазине. Зарплата была смешная, но я всё равно откладывала. На коммуналку, на кредиты, на жизнь. Потом перестала откладывать на жизнь. Потом перестала есть два раза в день. Ела один. Затем через день и то доширак, потому что это дешевле нормальной еды. Квартира, которую мы снимали, стала слишком дорогой. Я переехала в комнату в коммуналке, где пахло плесенью и чужой бедой. Помочь мне было некому. Родители в земле. Друзей нет.

Я платила по кредитам, пока могла. Потом перестала. Судебные приставы пришли красиво. В форме, с бумажкой, с казённым голосом, который мне почему-то напомнил школьную учительницу по математике. Та тоже не любила, когда я путалась в цифрах. Суд прошел быстро. Должник. Красивое слово. Короткое. Оно описывало меня лучше любого резюме.

Со временем магазин, где я работала продавцом, закрылся. Не внезапно, а мучительно, как всё в этой стране. Сначала сократили часы, потом зарплату, потом меня. На нормальную официальную работу не брали. Потому что на мне висели долги и судебные приставы уже успели пометить мою фамилию где-то в своих чёрных списках. Потому что на собеседования я приходила в одних и тех же джинсах. Стирала их каждую ночь, сушила на батарее, к утру они отдавали сыростью, но выглядели чистыми. Я вообще следила за чистотой. Это, наверное, единственное, что осталось от маминых уроков: «Если у тебя ничего нет, будь хотя бы опрятной». Люди на улице не догадывались, как я живу. Светлые кудри, веснушки, детское лицо. Внешность, которая не вязалась с моей реальностью.

Я мыла полы в ночном клубе. Перебывалась с копейки на копейку. Снимала теперь уже угол в подвале, где хозяйка запрещала готовить, потому что «запах еды привлекает бомжей». Я не спорила. У меня не было сил спорить.

Однажды в очереди за бесплатной гречкой ко мне подошла девушка. Я её раньше не видела. Она была одета странно. Слишком ярко и дорого для раздачи. Но говорила по-свойски. Спросила, не ищу ли я работу.

— Ресторан, — сказала она. — Своя доставка. Курьеры нужны постоянно. Берут всех. Платят нормально.

Я спросила, сколько. Она назвала сумму. У меня потемнело в глазах. Не от счастья, от недоверия. Но это чувство прошло быстро. Я так давно не слышала нормальных цифр, что запретила себе сомневаться.

Ресторан назывался «Уют». Ирония. Я ещё не знала, насколько это название станет издевательством.

Внутри пахло дорогой кожей и приторно-сладко от кальянов. Я стояла в прихожей, сжимая в потных ладонях сумочку, где лежало единственное, что я могла показать вместо резюме. Паспорт и трудовая книжка с записями про магазин.

Меня провели в кабинет. Хозяин сидел за столом. Крупный, лет сорока, с перстнем на пальце и гладко выбритым затылком. Он не поздоровался. Просто смотрел. Оценивающе. Как кот, который ещё не решил, играть с мышкой или сразу съесть.

— Садись, — кивнул он на стул напротив.

Вопросы посыпались. Где живёшь? С кем? Есть парень? Муж? Дети? Родители?

— Родители умерли, — сказала я. — Два года в детдоме.

Он кивнул. В глазах мелькнуло удовлетворение, быстро, почти неуловимо.

— Близкие? Кто будет волноваться, если ты поздно вернешься домой?

Я хотела ответить «никто». Но вовремя прикусила язык. Сказала что-то невнятное про знакомых. Он не слушал. Он уже всё понял. Я и сама знала, что надо встать и уйти. Что-то во всём этом было не так. В его взгляде, в этих вопросах, в искре, которая загорелась, когда он услышал «сирота». Но я разучилась слушать свои «чуйки». Они подводили меня слишком часто. И потом деньги. Ах да, деньги. Сумма, которую он назвал, была как приворотное зелье. Я смотрела на него и думала: «Ну что он может сделать? Ресторан же. Курьер. Всё официально».

Он назвал сумму. Снова. Уже спокойно, будто проверял, как яотреагирую во второй раз. Я сглотнула. Уши заложило от собственного пульса.

— Когда выходить? — спросила я.

Хозяин улыбнулся. Улыбка не тронула глаз.

— Завтра. Форму дадим. Работа простая. Забираешь еду, отвозишь по адресу.

Работа оказалась проще, чем я ожидала. Пешком. Забегаешь в ресторан через служебный вход, забираешь пакет, несешь его, отдаёшь, получаешь деньги. Адреса давали рядом. Ресторан стоял в центре, а заказы сыпались из домов вокруг. Ничего тяжёлого. Ничего, что заставило бы меня усомниться.

Оплата была сразу. Наличкой. В первый же день я заработала столько, сколько в магазине получала за неделю. Не могла поверить. Пересчитала три раза. Сидела в сквере на лавочке, разглядывала мятые купюры и улыбалась. Потом пошла и купила шаурму. С мясом. Двойную порцию.

На седьмой заказ в тот день, телефон пиликнул сообщением: «Зайди в ресторан.» Я зашла. За стойкой вместо привычного администратора стоял хозяин.

— На сегодня последний, — сказал он, протягивая пакет. — Адрес недалеко от твоего дома. Удобно будет.

Я даже обрадовалась. Идиотка. Пакет был тяжелее обычного. Вышла на улицу. Сумерки сгущались, фонари ещё не зажглись. Я не знала, что несу. Не знала, что седьмой заказ станет последним.

Квартира оказалась такой же, как все предыдущие. Обычная дверь, обшарпанная краска на косяках, запах чужой жизни за порогом. Я тихо постучала, как учили. Вежливый курьер. Дверь открыл мужчина. Невысокий, в домашней футболке, щетинистый. Обычный. Такой же, как десятки других.

— Поставь на комод, — кивнул он вглубь коридора.

Я сделала шаг. Второй. Перехватила пакет поудобнее и зашла внутрь. Дальше движение рук перед глазами, тряпка у лица, жжение в шее. Укола я даже не почувствовала, только холод, который разлился по венам, и сладковатый привкус на губах. Голова стала ватной, ноги под-

косились, пакет выпал из рук. Последнее, что я услышала перед тем, как отключиться, два мужских голоса.

— Может, не стоит? Она же выглядит как ребёнок.

— Не спорь. Давай заворачивай. На такую внешность спрос.

И вот я здесь. В ковре. В багажнике. В полубреду. Я то проваливаюсь в липкую темноту, то вынырываю обратно. Каждый раз с одной и той же мыслью: «Это не со мной». Каждый раз понимаю, что со мной.

Ведро. Холодной воды. Прямо на голову. Я взрываюсь кашлем, воздух врывается в лёгкие вместе с водой. Ковёр с меня содрали. Я лежу на холодном полу в какой-то комнате без окон. Голова гудит, перед глазами всё плывёт, но я успеваю разглядеть фигуру у двери. Девушка. Знакомая. Та, что подошла ко мне в очереди за гречкой.

— Очнулась, птенчик?

Голос доносится будто сквозь толстое стекло. Я пытаюсь ответить, но из горла вырывается только хрип.

Она делает шаг ближе. Смотрит на меня сверху вниз, без жалости, без злости.

— Из-за твоей внешности тебе ещё повезло. Это не самое плохое место.

Не самое плохое. Я не понимаю. Я ничего не понимаю. В этот момент дверь открывается. Заходит мужчина. Я не вижу лица. Темно, слишком мутно в глазах. Девушка поворачивается к нему, потом снова ко мне.

— Принимай новую реальность. Твой первый клиент.

Она делает шаг к выходу, останавливается на пороге.

— Советую тебе не орать.

Дверь закрывается. Мы остаёмся вдвоём. Я и он. В комнате без окон. В реальности, которую я не выбирала. В заказе, который нельзя отменить.

Ресторан на горе Большой Ахун.

Я переехала в Сочи за светлой жизнью. Из глухой станицы, где по ночам стучали бутылки, а утром отец искал, на ком сорвать злость. Светлая жизнь мне виделась примерно так: своя комната без дырок в обоях, работа, где не нужно бояться, и тишина. Просто тишина.

С первыми двумя пунктами более-менее сложилось. С тишиной не очень. Потому что появилась Тома.

Тома — это такой ураган в теле двадцатитрёхлетней девушки. Она приклеилась ко мне в первый же рабочий день и с тех пор не отклеивалась. Я пыталась отодрать. Но она возвращалась, как бумеранг, который тебе не кидали.

— Давай выползай, я подъехала! — голос Тома в телефоне звенел так, что мне захотелось приглушить динамик.

Я закатила глаза, завязывая шнурки на кроссовках. Пейнтбол. Бегать по заброшенным зданиям, уворачиваться от мужиков с краскопультом и стрелять в ответ. Не моё. Совсем не моё. Но Тома так хотела познакомить меня с загадочным Ваней, которому я обязана понравиться. Проще было согласиться.

Мы ехали на машине Тома. За окном мелькали пальмы, потом дома кончились, начался серпантин. Чем выше, тем темнее становилось небо. На подъезде к горе Большой Ахун опустился туман. Плотный, ватный, непроглядный. Фары упирались в белую стену. Казалось, мы едем в никуда.

Машина остановилась у здания. Большие, когда-то панорамные окна теперь смотрели в мир слепыми глазницами. Стены облупились, изнутри пахло гарью, въевшейся в камни.

— Что это? — спросила я.

— Ресторан, — Тома уже шла ко входу. — Пошли.

Внутри собралось человек десять. Две девушки, остальные парни. Все уже в чёрной форме для пейнтбола. У стены стоял высокий парень, Ваня, наверное. Когда мы вошли, он отделился от остальных и направился к нам.

— Тома, — он кивнул ей. Потом перевёл взгляд на меня. — А это, видимо, та самая Ира.

— Она самая, — Тома улыбнулась, и улыбка у неё была странная. Слишком довольная.

— Добро пожаловать, Ира, — сказал парень. — Я Ваня. Мы тебя ждали.

Он не протянул руку. Просто смотрел. И от этого взгляда у меня внутри что-то замерло. Ваня развернулся и пошёл в центр зала. Остальные расступились, пропуская его. Я заметила, как они смотрят друг на друга, на Ваню, на меня. Слишком быстро и синхронно.

— Рад, что вы все пришли, — сказал он громко. — Знаете, что это за место?

Тишина. Даже не дышали.

— Тридцать лет назад здесь был популярный ресторан. Дорогой. Красивый. Проработал всего один сезон. Потом случился пожар.

Он сделал паузу. Я посмотрела на стены. Обгоревшие балки, чёрные разводы копоти. И пятна, которых не должно было остаться после обычного пожара.

— Говорят, — продолжил Ваня, — что здесь до сих пор обитают неупокоенные души. Те, кто не успел выбежать, кто остался в огне.

Я почувствовала это. Холод, который не имеет отношения к погоде. Он поднялся откуда-то снизу, из-под пола, и пополз вверх по ногам, по животу, по позвоночнику. Я обвела взглядом стены и увидела их. Пентаграммы. Нарисованные краской, чёрные, с неровными краями. Они были везде. На балках, на стенах, даже на полу. Свежие. Краска ещё не въелась в камень. Кто-то рисовал их недавно. Может быть, сегодня. Может быть, прямо перед нашим приходом.

— А ещё говорят, — голос Вани стал тише, но от этого только страшнее, — что здесь собираются сатанисты. Проводят свои обряды.

Он замолчал. А потом все, как по команде, сделали шаг в мою сторону. Я попятилась. Сердце застучало в горле. Я посмотрела на Тому. Она стояла, скрестив руки на груди, и улыбалась. Не той улыбкой, к которой я привыкла. Другой. Пугающей.

— Что происходит? — спросила я.

Никто не ответил.

— Тома?

Она склонила голову набок, будто рассматривала меня впервые.

— Игра началась, — сказала она.

И захохотала. Остальные подхватили. Страшно, как будто они репетировали это много раз. Звук отражался от обгоревших стен, множился, наваливался со всех сторон.

У меня перехватило дыхание. Я попыталась сделать шаг назад, но наткнулась на кого-то. Девушка в чёрной форме стояла прямо за мной и улыбалась.

«Беги», — кричало всё внутри.

Но ноги не слушались. В этот момент ветер пробежал по помещению. Ледяной, хотя все окна были заколочены досками. Свечи на полу замигали. А потом я услышала шепот. Не в голове. Сбоку, у самого уха. Чужой голос, сухой, как старая кора:

— Беги.

И я побежала. Не помня, где выход. Не чувствуя ног. Не разбирая дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.